

Г.А.В. Раскрепостить память

*Индивидуумы исчезли. Уже теперь в целом другая эпоха.
Против кого сегодня дружим говорит (Маша).
Коалиции могут меняться несколько раз в день...
12 июня 2007*

Родословную свою начну не как Пушкин — начинать от Адама или как он говорил по латыни «от ово», от яйца... АВ ОВО

Вместо того, чтобы говорить о том, в какой семье вы родились, кто — мама и папа, предки — не торговали блинами и не чистили царских сапог и что гуси спасли Рим, какие ордена и медали имели и имели ли их, начну с самого важного для меня.

Рассказ об отце и матери начну с себя, с себя и брата. Мне кажется, это имеет прямое отношение к их искусству — папы и мамы. В наше время, когда семьи распадаются, разводятся или бессмысленно сходятся.

Стоит сказать, мое убеждение — мне кажется это таким неважным. Я думаю, что степени способности и таланты детские напрямую зависят от возвышенности степени и прочности взаимной любви их родителей в молодости.

Отец писал своей тете, которую любил и почитал: если бы меня внезапно сбросили бы с моста, я вспомнил Вас, сестру, друзей, а Верочку и Искусство унес бы с собой.

Потом уже, на дружеском вечере по случаю своей серебряной свадьбы, папа с некоторой застенчивостью произнес: я думаю, это мой единственно правильный поступок. А мама, пережившая отца почти на 40 лет, говорила, что любовь ее к папе продолжает жить и расти, что она всегда его ощущает, обращается к нему и получает его помощь...

Все началось с моего дяди Константина Павловича Янова (1). Вместе с отцом он учился в Академии Художеств, куда папа был по конкурсу принят, кстати, 13-ти лет. Так вот, отец иногда заходил к Косте Янову на Большую Пушкинскую (где я и теперь живу), но однажды, придя к своему другу, он застал его в комнате его младшей сестры: топить печку в комнате сестры была его ежедневная обязанность, которой он, впрочем, немного тяготился. Так отец впервые увидел маму. Тогда он сказал Косте — если бы у меня была такая сестра, я бы каждый день дарил ей цветы. На что Костя ответил односложно — Дари.

Когда папа умер, Татьяна Борисовна Казанская (2) сказала — это был самый чистый человек из встреченных мной.

Вот, по-моему, главное в папе и маме. Думаю, это предисловие имеет прямое отношение к их искусству. Ведь любовь — это дар, талант. Трепет жизни. Мама говорила про черствых сухих мертвых художников — луженые, это было самым унижительным приговором у нас. Сколько бы ни писали высоколбые искусствоведы, искусство не поддается научному анализу. Нет объективных критериев, отличающих, что хорошо, что плохо, что лучше, что хуже. Это не спорю. Здесь нет достижений, которые неопровержимо измеряются долями секунд или граммами. Так самый опытный кардиолог, вооруженный самой современной аппаратурой, не отличит горячего любящего сердца от холодного и эгоистичного.

Можно ли объяснить, почему какое-то особое состояние души становится такой ценностью для многих людей?

Если бы я был богачом и, как Нобель, хотел бы основать какие-то великие премии, то я бы поручил их присуждать за выдающуюся любовь, за беспримерную верность, за доброту и щедрость. Мне кажется, достижения в этой области, по крайней мере, не менее важны для человечества, чем, например, квантовая физика...

Я не знаю, но мне кажется, сейчас не спорят, не говорят так увлеченно об искусстве, как в прежние времена, появился некий объективный скучный критерий — аукционная стоимость произведения. Такой аргумент, как цена, стал вполне, кажется, убедительным. Но искусство не вещь. Оно требует от зрителя сотворчества и приносит ни с чем не сравнимое наслаждение.

Споры.

Характерный, почти анекдотический пример — домработница у одного из товарищей отца сказала, что уходит, больше не может у него работать — В чем дело, (Маша) Сима, чем ты недовольна? Маша в ответ: каждый целый день Матисс — Сезанн, Матисс — Сезанн, — осточертело!

Товарищи отца, художники, интересные даже по виду, очень разные, часто с трагической судьбой, на меня производили сильное впечатление. Художники Вербов (3), Пакулин (4), расстрелянный Налетов (5), повесившийся Вася Купцов (6), Башинский (7), погибший на войне, прежде всего — Костя (8) — который пленял мое детское воображение своими оригинальными работами — он рисовал чертей, мистические странные сюжеты, под рисунком он иногда подписывал тему, например: *Будем жить на лестнице и питаться крысами*. Огромный (190 с лишним ростом), царственный и скромный, он бросил Академию, т.е. его вычистили, за непролетарское происхождение, но потом после чистки была возможность восстановиться. Отца тоже выгнали по той же причине, но он восстановился, чтобы снова остаться в числе студентов.

Васнецов (9), учившийся вместе с ними, вынужден был публично отречься от своего отца священника (как он рассказывал моему папе, конечно, по договоренности со своим отцом). За что Налетов демонстративно перестал подавать ему руку.

Незабываемый, очень интересный Пакулин, рыжий, похожий на клоуна в цирке, возбужденный, произносящий с особой значительностью даже самые простые слова. Помню, встретив меня в лыжном костюме, он сказал, мне нравится Ваш вид, Вы похожи на полярника, а полярники замечательны своей выносливостью.

Это был 46 год — постановление (10) — травля Ахматовой и Зощенко. Вот он увидел где-то у Гостиного двора девушку, несущую на голове стол. Его восхитила эта картина своей пластикой необычной. Он стал говорить в своей значительной и сложной манере — но времена те были строгие — он оказался в милиции.

<...> Вообще всякие необычные проявления жестко пресекались. Скульптор Вера Исаева (11) шла как-то по тихой тогда нашей Большой Пушкарской улице, где шествовали только редкие битюги с телегами, вместо нынешних автомобилей. Так вот, темпераментную Исаеву (маленькую женщину, одевавшуюся исключительно в мужской костюм) поразила луна и она стала громко выражать свое восхищение луной, призывая редких прохожих разделить ее восторг. Естественно ясно — ночь она провела в милиции, где от нее требовали объяснение — с пристрастием выясняли, почему она носит брюки. В скобках должен заметить, что хмельного она вообще в рот не брала никогда. К счастью, Союз Советских Художников в таких случаях горячо вступался за своих членов...

Пакулин.

Рыжий длинноносый. Говорил, подняв голову. Помню его рассказ о смерти Петрова-Водкина (12). В полузабытьи он произносил: Синий, Синий, синий... А я ему говорил (рассказывал Вячеслав Владимирович) — Вы столько сделали для развития идеи синего цвета...

Кантор (13) (другой художник) рассказывал, как Петров-Водкин говорил о новом Серове (14) — у него широкая спина кучера. Едешь в коляске, кругом чудесные пейзажи и только потная спина перед тобой наводит тоску.

Всегда улыбающийся Русаков (15). Похожий на восточного мудреца Русаков с его вечным вопросом: сразу или не сразу писать.

Ведерников (16) про которого несколько ядовитый ехидный Басманов (17) говорил: смесь французского с нижегородским. А чем плоха в живописи такая смесь?

Всегда откровенный, простой, веселый или грустный, когда ему нравился папин набросок — подари!

С Ведерниковым переходим Тучков мост. Он — сейчас занимаюсь тем, что жгу свои работы, ведь они никому не нужны.

О работах мамы: перед Верой Павловной я пасую.

Русаков: Пусть Герта Неменова (18) варит щи Курдову (19), а Вера Павловна пишет.

В Петербурге был такой поэт Нельдихен (20), я думаю, его теперь никто не помнит. Пакулин до своей женитьбы жил с ним в одной комнате, тот спал до полудня. Утром, когда Пакулин уходил, Нельдихен из-под одеяла кричал ему: Мещанин, ты опять идешь работать.

И папа и дядя учились у Савинова (21). Он жил рядом.

Иногда дверь открывал молодой поэт Николай Тихонов (22), живущий с ним в коммунальной квартире.

Слухи. Террор. Аресты.

Молодой художник Харкевич (23). На стенах дедушкины картины. Красивый, тогда почему-то казалось, немного легкомысленный — обладает даром звукоподражания, может имитировать голоса — Вот мы в его исполнении слышим высокий чуть визгливый плачущий голос — это Николай Андреевич Тырса (24) он рисует на улице Ленинграда. К нему подходит милиционер: Гражданин, что вы делаете? Тырса — а вы не видите? Кашу варю. А вы чем мне мешать пошли бы лучше на рынок, там сейчас кто-то у кого-то что-то украл...

Иван Иванович был мастером таких слуховых зарисовок.

По эстетическим причинам сами социальные, мне кажется, происходят. Революция во вкусах вызывает неизбежную цепную реакцию...

Сталин, не высказывая этого открытия, сделал установку на темного, совершенно не затронутого культурой человека, и тем очень расширил свою базу.

Сейчас мы слышим о вертикали власти. Мне кажется, власть больше похожа на пирамиду — и чем шире ее база, тем ниже вершина... Расширение основания с математической неизбежностью ведет к снижению ее верхнего предела.

Борьба с Мейерхольдом (25), уничтожение памятника Трубецкого (26)... На надвигающееся каждый отвечал по-своему. Кто-то переставал работать, кто-то, как Самохвалов (27) насилу старался писать так, как требовалось... и погубил свой талант.

Вот пример: Окруженный свитой высокий партийный начальник обходит очередную выставку союза художников. Ну что ж, уже лучше, — величественно бросает он. Но разнбой еще есть.

Тогда же ходил такой анекдот —

Один критик: это говно. Но это нам нужно.

Другой критик: это говно, но это еще не то говно, которое нам нужно.

Способы ухода от всепроникающего давления системы иногда приобретали самые прихотливые формы. Двораковский притворился сумасшедшим, причем так талантливо, как говорят, что все поверили.

Мы не ждали на свои достижения или поражения общественного резонанса — только резонанс своего одиночества. Мы ушли в свой мир, пытались скрыть себя, свое творчество от общества. Собственно, общества и не было. Вместо общества было государство, вооруженное вмешательство в любую человеческую жизнь.

Как писал Кошелев, наш друг, наш поэт:

Грозы безмолвны

Бури пустынны

Так на моем берегу

В доме запоры

Двор многотынный

Свет незажженный

Я берегу (28).

Но такие тайные миры, черные дыры в советском бодром единообразии очень легко замечались пристальным оком Гос. Машины. Кто был винтиками этой машины: бездарности, оскорбленные еще с детства блеском чужого таланта, просто законопослушные начальстволюбивые обыватели, те, кому вообще ненавистна сама природа искусства, его свобода, его таинственность... Машину регулярно хорошо смазывали и прочищали, и она работала, казалось, все лучше и лучше.

Фактически она была направлена против любого таланта. Следует еще учесть, что если талантливый человек (художник поэт, музыкант) занятый своим творчеством может не заметить, не оценить чужой талант, — бездарность не промахнется, она чувствует его сразу и бьет тревогу...

Так происходило тотальное наступление серости.

В тесном кругу немногочисленных друзей часто вспыхивал разговор, сколько лет еще будет продолжаться советская власть и неотъемлемое от нее рабство «серости». Помню некоторые ответы. Всеволод Николаевич Петров (29): думаю, лет 300. Мой дядя (30) сделал наиболее верный прогноз: срок жизни одного человека.

Так и вышло. Но фактически система умерла вместе со Сталиным. Это, правда, заметили очень немногие, и долго-долго поезд шел без машиниста, исключительно по инерции.

Ибо проходит образ мира сего...

Неравенство во всем. В Академии Художеств одним профессорам дают больше, другим меньше (31). С пустой тарелкой в руках бегал по лестницам Академии художеств Билибин (32), добиваясь, чтобы и ему дали половник жидкого капустного супа из хряпы.

По вечерам, не помню уже сколько раз в неделю, происходили так называемые политзанятия, их посещение было обязательным, так как даже художник и критики должны были заучивать и отвечать лектору свои уроки по марксизму. Доходило до смешного.

Однажды, когда какой-то художник, хорошо вызубривший урок (кажется, это был Анатолий Прошкин (33) отвечал его лектору (какому-то морскому полковнику — лекторами часто были военные из политотделов армии и флота). Так вот, слушая образцово вызубренный урок, лектор, видимо, несколько расслабился и сначала задремал, а потом

и крепко заснул. Заметив это, слушатели сначала робко стали переговариваться, потом громче и, наконец, развеселившись, так расшумелись, что разбудили лектора, и занятие возобновилось.

А.В. Щекатихина-Потоцкая (34) рассказала: она оправлялась от инсульта, когда ей звонят из правления Союза: Александра Васильевна, вам необходимо возобновить посещение политзанятий, вы записаны на философский семинар. Но я теперь — дура, — весело отвечает художница.

Любые достижения в искусстве всегда оплачены — и трудом и страданиями и неизбежными жертвами.

Не радость творчества с лихвой воздает художнику за все его жертвы. Поиски совершенства — поиски себя.

Все эти эпизоды были только фоном. Глубоко погруженные в искусство отец, мать, их немногочисленные друзья немного уделяли им внимания. Само искусство, работа в искусстве всегда несет в себе и драмы и трагедии, оно невозможно без постоянного размышления над основными вопросами философствования.

Построение ада на земле шло довольно успешно. И если где-то еще теплилась жизнь — это, по выражению Пастернака (35), было исключение из исключений. Впоследствии, описывая это время, Твардовский (36) сформулирует: В этом мире // Жизни быть и не должно — // Дважды два четыре.

Напрасно интеллигенты пытались громыхать марксистскими фразами, льстить гегемону и умствовать, мол,

«барскую заносчивость
скорее донашивай
разбирается
ведущий класс и в искусстве
не хуже вас...» (37)

Те, кто имел нюх, очень хорошо видели, куда идет дело. Сам Твардовский с Исаковским (38) напечатали статью: Маяковский по содержанию прекрасен, но по форме устарел... Правда, власть не любила, когда подхалимы забегают вперед и высказывают, м. б., то, что у власти еще только на уме, но она еще этого не высказала. Твардовского с Исаковским резко одернули. Сказано: лучший и талантливейший и точка.

Что такое тоталитарный режим?

Коронованная и титулованная серость блеском таланта бывает обожжена и уничтожена, а серьезность творческих исканий вызывает ее недоверие и подозрение.

Единственная область, где талант и высокое мастерство приемлемы и даже желанны — это исполнительские области искусства, к ним и балет (конечно, традиционный) относится: Гилельс и Уланова осыпались орденами и премиями. Блеск исполнения не угрожает. Это не самостоятельное мышление, которое неисповедимыми путями расшатывает, подрывает основы.

Новизна.

Трудно сказать, каковы были последствия для русского искусства того тяжелого пресса гонения. Мне кажется, что они закалили многих или, по крайней мере, некоторых, что русские художники, на горло которых наступила система, все-таки пропели свою песню. Отсутствие самого мотива заработка играло огромную роль.

Бескорыстное подвижничество, преданность искусству создавало особую атмосферу в среде художников, воодушевление ... самим искусством...

А фоном жизни был государственный террор... громко о нем не говорили, принято было молчать. Но то, о чем молчат, имеет свойство кричать внутри человека. Дети всегда мгновенно усваивают все современное и так же, как нынешние дети, иногда быстрее взрослых осваивают компьютеры, так дети сталинского времени прекрасно понимали опасность режима...

Вероятно, в году 38–39 возвратился в Петербург с Беломорканала друг отца и мамы поэт В.Д. Кошелев, арестованный еще до моего рождения. Приведу стихи, в которых террор 30-х подается в ироничной форме:

*Куры карлиц всех склевали,
Карлик маленький остался.
Карлик венькал,
Карлик вякал,
Карлик взад-вперед метался. —*

*Шли вороны вороваты
Они карлику сказали:
— Ты иди отсюда, братец!
Не поможешь здесь слезами.
И пошел карлик
От куста к кусту
От куста к кусту
От куста к кусту
Вспоминая, как клевали
За сестрой — сестру
За сестрой — сестру
За сестрой — сестру...(39)*

В нашем доме во дворе живет столяр старик Палелл, маленький с большой курчавой бородой. Отец заказывает ему подрамники. Я слышу о том, что он делает все очень хорошо, берет довольно дорого, но он очень симпатичный, похож на лесовиков Коненкова. Он показывает мне свои большие натруженные кисти рук: здесь шрам от пилы, здесь он когда-то поранил руку стамеской, здесь еще что-то, как сейчас вижу его темножелтые ладони \\\, кажущиеся огромными, потому что сам он очень мал. И вот неизвестно каким образом, все молчат, но все знают — ночью за ним пришли и увезли на черной машине — черном вороне, его «вина» тоже всем очевидна — он эстонец. Через какое-то время он снова появляется у нас, его курчавая золотая борода потеряла свою пышность, стала белой. Он плачет как ребенок. Он рассказывает: следователь брал его подмышку, как рулон холста, и бил головой о стену... Мне не нужно говорить, чтобы я не повторял его рассказов. Все дети знают условия игры. \\\ Проходит совсем немного времени, и мы (я и соседские дети) смотрим, как во дворе из окна второго этажа выкидывают какой-то пыльный хлам — Палелл умер.

Об арестах в своих семьях, а они коснулись каждой семьи, говорят еще меньше, лучше сказать — молчат еще больше.

Для меня всегда были непонятны строки Блока — там жили поэты, и каждый встречал другого с надменной улыбкой. Отсутствие зависти, умение радоваться успеху товарища, — в этом Благородство, мне кажется свойственное подлинным художникам.

В конце войны в Союзе художников в выставочном секторе тоже исчез пожилой мужчина, очень хорошо его помню, и молодая красивая искусствоведка, блондинка с синими-синими

глазами, любившая носить большие светлые шляпы, вскоре покинула Союз художников, чтобы перейти в какое-нибудь другое учреждение, и чтобы там тоже кто-нибудь исчез.

Довольно остро чувствовалось, что очередь за нами.

Вечером к нам явился Пакулин. Тщетно стараясь быть незаметным, наоборот еще больше бросаясь в глаза, надвинув шляпу и замотав лицо шарфом до самых глаз (отчего стал выглядеть особенно подозрительным).

Тогда он усиленно увлекался девушками и от какой-то своей подруги узнал, что мы уже намечены «органами» к аресту, что сообщает о нас женщина и некоторые другие детали...

Пакулин боялся уходить от нас вечером, чтобы его не заметили (с вечера и до утра у каждого дома дежурила дворничиха), поэтому он досидел до утра и ушел уже часов в 12 дня.

На 19 съезде 52 г. В докладе Маленкова (тогда 2-е лицо после Сталина) четко была намечена новая мишень террора — внутренние эмигранты.

Мама любила повторять слова Баха, который говорил, что видит свою задачу в том, чтобы урегулировать вопросы музыки во славу Божию, только вместо вопросов музыки ставила вопросы живописи. О живописи много можно сказать, о ней мы много говорили, только и говорили о ней.

От музыки

Немного нужно мне

Кусок ее черного хлеба

Пучок ее цветочков дружных

Клочок ее мерного неба

И ей немного нужно от меня

Чтоб я себе не изменял

И то, что мне даруют в уши

Умел руками и ногами слушать (40).

Блажен кто посетил сей мир в его минуты роковые.

Искусство без заказа среди художников. Мечта о значительном произведении, о картине.

Что такое было Союз художников. Членство в Союзе не давало никаких материальных благ, но давало главное — вы имели законное право не ходить на службу как все советские люди.

Связь с природой.

Ощущение.

Не подражать природе, а воздать, принести ей свою дань.

Во время войны Пунин (41) сравнивал с оружием средства воздействия искусства. Нельзя вести военные действия оружием прошлого...

Конечно, были и заказы. Это были так называемые тематические картины. И был контингент, которые легко выполнял эти заказы, их художники полупрезрительно называли картинщиками. Они не искали. Они работали на все более нетребовательный вкус начальства. Обладая определенным, но довольно ремесленным мастерством, они наполняли выставки своей продукцией, от которой человеку, желавшему видеть подлинную живопись, становилось т., охватывала тоска.

Что-то мертвое замороженное смотрело со стен выставок как в Петербурге, так и в Москве.

Причем этот отрицательный прогресс не останавливался. На выставках все становилось все более и более серым...

И все же я хочу сказать о богатстве, роскоши этой жизни. Если вы во дворе напилили и накололи ваши сырые дрова, принесли на свой этаж несколько вязанок и с помощью некоторого количества керосина разожгли вашу печурку, это насыщает вас радостью, в

отличие от обычного батарейного тепла в вашем доме.

И так во всем. Вас еще не арестовали, не убили, не посадили в теплушку и под конвоем не повезли неизвестно куда, и Вы более остро видите небо в розовых облаках, синюю даль или задумчивый мирный натюрморт на вашем столе. Здесь радость жизни ярче.

Строчки — так глотай же скорей рыбий жир петербургских ночных фонарей — родились в этих декорациях.

Или другие строчки:

Бог картину

Пишет тужась

Люди войны

Страх и ужас... (42)

Не знаю, поймут ли меня, но я иначе не могу назвать эту жизнь, полную лишений, трудностей испытаний, как благородную и роскошную.

А что еще нужно художнику поэту?

Союз художников по нынешним меркам маленький, человек 300, во время блокады, кажется, сократился до сорока.

Те же помещения, бывшего Общества поощрения художеств. Но все совсем другое.

Старинные с высоченными спинками вольтеровские кресла в чехлах, какие-то вазы огромные (куда все делось?).

Вот шагает Филонов (43), на ходу выкрикивая: «дай дорогу аналитическому искусству!».

Или другая странная фигура просовывает голову в дубовые двери заполненной художниками лосховской столовой и громоподобно возглашает: Пигмеи! Это скульптор Козельский (44).

Нет, люди были действительно интересные.

Конечно, не только в Союзе художников. Я слышал от старых психиатров, что и в психушках было множество очень интересных, удивительных людей. Еще нужно принять во внимание, что в те времена инакомыслящих не сажали в психушки, с ними расправлялись открыто. Тогда, наоборот, «подозрительные» часто сами прятались там, и психиатры помогали им укрыться, спасая их от НКВД, ГПУ. Некоторых таких «сумасшедших» свободно выпускали на прогулки по городу на выставки и на концерты. Да, были художественные люди...

Я всегда считал, что художник или поэт не профессия, а состояние души, склад личности...

И работали много.

«Я Гидони

Моя кость в

Казанском соборе» (45)

В сталинское время у Альтмана (46) в мастерской висела огромная карта Индии. Как-то, указывая на нее, Натан Исаевич сказал: Как приятно видеть — такая огромная территория и нет Советской власти.

Хорошо сказал Шекспир: весь мир театр, а люди в нем актеры.

Но только декорации всегда другие и роли всегда неожиданные. И всегда другие. Когда сменяются эпохи, трудно понять, что же было в предыдущем действии. В чем была красота того времени.

Всегда, наверно, люди делились: честные — нечестные, глупые — умные. Это, правда, очень неопределенно. Но в эту эпоху главное разделение, по крайней мере, в той среде, где

выросли мы с братом, было: донесет — не донесет. Можно говорить с этим человеком свободно или нужно быть осторожным, все время хватать себя за язык.

Массивная дубовая арочная дверь, на ней, с маленькой красной табличкой — партком. Перед дверью кучка людей разного возраста, различно одетых — очередь художников.

Периодически происходящие проверки уровня идеологической подготовки художников.

Вызывают по одному. Дверь открывается. Выходит бледный растерянный немолодой человек, как тогда говорили, старорежимного вида, художник Замирайло (47).

С выражением ужаса он сообщает стоящим в очереди на экзамен художникам: там спрашивают, что такое ВЦСПС? Этот вопрос был из не самых сложных. Перетянутый ремнем, в защитной гимнастерке невозмутимый бесстрастный инструктор мог задать ошеломленному художнику и такое: что вы будете делать, если враги свергнут Советскую власть? — Уйду в подполье. Такой ответ не был удовлетворительным. Следовало отвечать — Этого не может быть.

Тайные агенты ГПУ иногда ведут себя достаточно нагло — возможно, по собственной склонности, а может быть, их инструктируют в этом направлении — нужно нагнетать общественную истерию, массовый психоз.

Другая картинка. Молодая двадцатилетняя художница листает лежащую рядом с телефоном записную книжку с очаровательным смехом — вот я сейчас запишу вам телефон Тухачевского (48), и завтра вас расстреляют — Ха-ха-ха! Немая сцена, вроде гоголевской. Или молодой художник, кстати, бывший ученик отца, у нас дома, окинув взглядом стены, заявляет: вы уедете из Ленинграда. Мы вас из Союза исключим и из Ленинграда вышлем. Слово «стукач» пришло толь после смерти Сталина, когда стали возвращаться из Гулага, это лагерное слово.

У нас говорили «провокактор».

Первым умер от голода директор столовой по фамилии Голод.

Искусство держало в плену и давало свободу.

Вечно меняющиеся декорации, различные роли, короткие выходы на сцену, незаметные или трагические уходы. Зрителей в этом театре зовут свидетелями.

Ушедшие в себя — вернее, загнанные в себя, художники оставались плодотворными.

Перепады настроения. Философские рассуждения против слепой веры. Способность к серьезным размышлениям.

Дополнение к записной книжке

Как в свое время чеховские сестры стремились в Москву, в Москву, так 18-летний юноша Г. Траугот стремился в Петроград в Академию художеств. Путешествие из Павлова в Петроград было нелегким. Голод разруха, поезда ходят бог знает как, на остановках стаи просящих голодных детей окружают вышедшего на перрон пассажира (раз он едет в поезде — он богач) Наконец, Петроград, Московский вокзал. С нехитрым чемоданом в ситцевых сшитых матерью из занавески брюках (почему так мгновенно все обнищали?) еще не Георгий Николаевич, а Юра, Георгий Траугот выходит на так хорошо знакомый роскошный Невский проспект. Что это?

Пустой, поэтому кажущийся еще шире, с разбитыми окнами, забитыми досками магазинами, густо заросший травой... И пустота... Только вдруг пронесется одинокий мрачный казенный автомобиль и снова никого...

Невольно встает картина 5-летней давности: Невский, кипящий, заполненный шумной нарядной толпой, дамы в огромных шляпах, украшенных крупными цветами, цилиндры и канотье мужчин, извозчики, офицеры, золоченые вывески, сияющие фонари... И сам он, 12-летний гимназист, держит под руку маму, цветущую даму, тоже в огромной шляпе, с двумя

братьями и двумя сестрами. Это отъезд из Петербурга в Павлово. Но маленький росток грядущих событий уже промелькнул. Отъезжающих Трауготов провожает друг покойного отца. Естественно, он солидный дородный генерал, шинель с красными отворотами. Естественно, дети гордятся таким провожатым. И вдруг в вокзальной толчее какой-то невзрачный солдат, размахивая руками, кричит хриплым басом — Ты што прешь пузом, красную подкладку надел! Генерал, это был Александр Васильевич Рутковский, начальник госпиталя в Зимнем дворце (49)... Генерал, интеллигентнейший человек, взволновался, возмутился, хотел что-то предпринять, но все торопились к поезду. Эпизод запомнился, как грозное предзнаменование. Стал грозным предзнаменованием.

Записная книжка 2

Можно было бы сказать и о доме. Это дом 3 по Большой Пушкарской (50), кажется, единственной в этом районе избежавшей переименования. Здесь жили пушкарки. В наш дом упиралась улица гребцов — Гребецкая, а рядом была улица казаков — Гулярная. Театральное представление моей жизни, несколько затянувшееся, но не потерявшее для меня интереса начиналось в декорациях огромной коммунальной квартиры, которой всегда я готов петь оды и панегирики.

Огромная с населением уездного города, она была, как я теперь думаю, похожа на Париж разнообразием населения — обилием секретов и тайн, сочетанием каким-то не гармоничным, безумным, но всегда несоединимым...

Услышав четыре звонка, я опрометью пускался, неся по длинному коридору, не забывая с осторожностью обогнуть дежурившего у своих дверей грозного кота, который шипел на меня, на каждого проходящего.

Я открываю, и теперь еще в открытых дверях встают в моей памяти художники знакомые товарищи, друзья отца и мамы. Смуглый стремительный Вербов⁵¹, рыжий розовый, лукавый Пакулин, всегда улыбающийся Русаков в сопровождении жены — красивой высокой Т.А. Купервассер (52), Каратеев (53), Кручинин (54), Чугунов (55), Башинский... Нет, всех перечислять не буду... Приходили не на обед и не на чай, приходили смотреть живопись... Кто-то чаще, кто-то реже, а то только один раз, как В.В. Лебедев (56), но запомнилось. Прошлое великолепие слабо напоминало о себе большой зеленой коробкой странной формы, напоминающей дельфина, в которой бабушка держала мотки шерсти, катушки с нитками и прочую чепуху. А когда-то в ней хранилась парадная треуголка дедушки. В углу, около кафельной печки прислонилась шпага с золоченой, инкрустированной слоновой костью рукоятью, которая иногда использовалась как кочерга.

Как объяснить современному человеку отсутствие денег. Их роль была другой. Как Твардовский объяснил: кто причислен к классикам — пшеном до гроба обеспечен.

Можно сказать несколько слов и о доме. Когда-то он принадлежал сестре мамы (57). Для строительства дядя Валя пригласил молодого, только что окончившего Академию архитектора, впоследствии достаточно известного Д. Г. Фомичева (58). Я помню его... Архитектор украсил дом огромным количеством скульптур — крылатые сфинксы. Были сооружены и два балкона у нашей большой комнаты, служившей мастерской папы и мамы. Эти скульптуры, по моему и не только моему мнению, спасли нас. Немецкий снаряд попал в нашу комнату I. 42 г. Разорвался несколько раньше, и мы уцелели. — Интересно, что это был второй снаряд, разорвавшийся как бы на подлете, не в самой комнате, а в проеме между скульптур. Первый выпущен был из казарм в 17 или 18 году. Скульптуры заставили его взорваться чуть-чуть раньше. Находившиеся в глубине комнаты, мы уцелели, хотя отца отбросило волной — он стоял. Думаю, если бы дом был «голым», снаряд уничтожил бы нас без следа.

По-разному складывались судьбы. У отца были ученики. У нас висела работа Лебедева (59) Обнаженная.

Он погиб.

В декабре отца вызвали в военкомат. Придя домой, он рассказал, как плакал вызванный вместе с ним: возьмите меня, что я здесь помру — я ведь кадровый артиллерист.

Находил силы работать.

Мама спасла нас и рисовала, рисовала, рисовала трагические автопортреты.

Война.

В каждом районе города созданы добровольческие армии. Добровольцами ушли... (неразб.)

Г.Н. Траугот. Выступление на дискуссии художников (60).

Пейзаж

Многие считают, что если художник занимается только пейзажем, то он отвлекается или умышленно отходит от разрешения больших значимых тем, тогда как пейзаж, — и это подтверждается всей историей живописи, — играет большую общественную роль. Пейзаж, по существу, включает в себя мировоззрение эпохи. В этом отношении, к пейзажу нужно относиться значительно более внимательно. Если взять Пуссена, которого мы считаем основоположником европейского пейзажа, то в его картинах отражено целое мировоззрение эпохи, в которой он жил. Мне кажется, что в советском искусстве нужно поставить проблему пейзажа, как одну из основных проблем отношения человека к природе.

Живое ощущение природы, которое, например, есть в работах Ведерникова, — это основа, на которой зиждется всякое произведение искусства. Потому что, какие бы ни были профессиональные качества произведения, если в них нет поэтического, живого, человеческого восприятия природы, то оно не делается обаятельным и фактически не живет. Я не считаю действительно достойным искусство, как бы оно ни было велико и профессионально, если оно не обаятельно.

Обаяние произведения искусства — это то, что заставляет его действовать на нас, то, что заставляет нас любить его и через него понимать природу.

Об идейности произведения

Доходчивость произведений искусства часто у нас понимается как снижение творческой сложности произведения. Идейность понимается часто только как сюжет произведения, только как его литературная тема, на какую оно написано. В этом отношении можно говорить о мнимой идейности произведения, о ложном реализме произведения. Под мнимой идейностью, мне кажется, надо понимать вещи, которые имеют только внешнюю насыщенность этой идеей. Если взять для сравнения картину Делакруа, то, даже не зная ее содержания, мы сразу, одним дыханием, чувствуем идею, какая ее породила, время, когда она написана, содержание, какое она воплощает. Мы чувствуем, что это идейное произведение, которое осталось памятником эпохи.

Идеалом художника у нас иногда является тот художник, который очень быстро, очень доходчиво, в любой срок и на любую тему может написать картину. Это будто бы направлено на удовлетворение запросов масс.

Никто в этом, конечно, не нуждается, потому что со временем зритель, народ оценит только то искусство, которое к зрителю, к народу относилось с полным уважением.

Такое искусство сохраняет свою органичность надолго, навсегда, такие вещи остаются памятниками эпохи.

Эти произведения всегда имеют профессиональную принципиальность не ремесленного порядка, а творческого, принципиальность, характерную для подлинных произведений искусства. Такое искусство должно и будет развиваться и к такому искусству не будут приемлемы рассуждения, что, мол, тема такая-то, а оформление такое-то. Тогда мысль не будет пристегиваться к холсту, сам холст художника вообще явится мыслью его. Для этого нужна большая работа художника. Это соответствие между мыслью и ее художественным выражением, устойчивое согласие мировоззрения и мироощущения художника может быть результатом большого творческого пути художника.

примечания:

- 1 Янов Константин Павлович (1905–1996). Живописец, художник Ленинградской студии документальных фильмов. Учился в ВХУ АХ (1919–1920), во ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (Ленинград) (1920–1925, не окончил). Брат В.П. Яновой, матери А.Г. Траугота.
- 2 Казанская Татьяна Борисовна (1916, Петроград — 1989, Ленинград). Художник, поэт, специалист по романским языкам, переводчик. Училась в Художественном техникуме у Г.Н. Траугота, в 1942–1943 годах — в Московском университете. Преподавала в Ленинградском Педагогическом институте имени Герцена.
- 3 Вербов Михаил Федорович (1900–1980). Живописец. Учился во ВХУТЕИН (Москва), ВХУТЕИН (Ленинград) (1921–1925). Участник выставок с 1925. Член объединения «Круг художников» (1926–1932).
- 4 Пакулин Вячеслав Владимирович (1900–1951). Живописец, график, художник театра. Учился в ЦУТР барона А.Л. Штиглица (1916–1922), ВХУТЕИН–ВХУТЕМАС (Ленинград) (1922–1925). Член Декоративного института (1920). Член объединения «Круг художников» (1926–1932).
- 5 Налетов (ок 1900–193?). Соученик Г.Н. Траугота по ВХУТЕИН–ВХУТЕМАС (Ленинград). Был репрессирован и расстрелян.
- 6 Купцов Василий Васильевич (1899–19350). Живописец. Учился в СВОМАС–ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (Ленинград (1921–1926). Член Декоративного института (н. 1920-х). Член объединения «Круг художников» (1926–1932).
- 7 Башинский Владимир (ок 1900–1942 ?). Погиб на фронте под Псковом. Соученик Г.Н. Траугота по ВХУТЕИН–ВХУТЕМАС (Ленинград).
- 8 Янов Константин Павлович. См. сноску 1.
- 9 Васнецов Юрий Алексеевич (1900–1973). Живописец, график, театральный художник, иллюстратор. Учился в СВОМАС– ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (Ленинград) (1921–1926).
- 10 Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года означило начало новой волны репрессий против художественной интеллигенции
- 11 Исаева Вера Васильевна (1898–1960). Скульптор. Училась во ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (Ленинград) (1923–1927). Ученица А.Т. Матвеева. Жила в Ленинграде, работала в области монументальной и декоративной скульптуры. Руководила группой скульпторов (Р.К. Таурит, Б.Е. Каплян-ский, А.Л. Малахин, М.А. Вейнман, М.М. Харламов) — авторов мемориала на Пискаревском кладбище (1960).
- 12 Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939). Выдающийся российский и советский живописец, график, теоретик искусства, писатель и педагог. У него во ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (Ленинград) учился Г.Н. Траугот и почти всего его товарищи.
- 13 Кантор Соломон Маркович (1898–1958). Живописец. Учился во ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (1923–1927). Участник выставок с 1940.
- 14 Серов Влади□мир Алекса□ндрович (1910–1968) — советский живописец и график, педагог. Народный художник СССР (1958). Лауреат двух Сталинских премий. Вице-президент (1957–1962) и президент (1962–1968) Академии художеств СССР. Был председателем ЛОСХа в 1941–1948 гг.
- 15 Русаков Александр Исаакович (1898–1952). Живописец, график. Учился в ПГСХУМ– ВХУТЕМАС (Ленинград) (1918–1924) у О. Э. Браза, Н.Н. Дубовского, Д.Н. Кардовского. Член объединений «Община художников» (1924–1927) и «Круг художников» (1926–1932).
- 16 Ведерников Александр Семенович (1898–1975). Живописец, график. Учился во ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (Ленинград) (1924– 1927) у О.Э. Браза, А.И. Карева. Член объединения «Круг художников» (1926–1932).
- 17 Басманов Павел Иванович (1906–1993). Живописец, график, иллюстратор. Учился в Алтайских художественно-промышленных мастерских (1918–1921) и Ленинградском художественно-промышленном

- техникуме (1922–1927) у М.И. Авилова, Е.Д. Белухи и В.Н. Левитского. Член объединений «4 искусства» (1927) и «Круг художников» (1926–1932).
- 18 Неменова Герта Михайловна (1905–1986). Живописец, график, художник театра. Училась во ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (Ленинград) (1924–1927) у К.С. Петрова-Водкина, Н.И. Альтмана, А.И. Карева; в Париже у Фернана Леже (1929–1930). Участник выставок с 1923. Член объединения «Круг художников» (1929–1932). В 1930–1940-е была женой художника В.И. Курдова.
- 19 Курдов Валентин Иванович (1905–1989). Живописец, график, художник книги. Учился во ВХУТЕИН (Ленинград) (1923–1927) у М. Матюшина, А.Е. Карева и А.И. Савинова. В 1926–1927 учился у К. Малевича. Заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии имени И.Е. Репина.
- 20 Нельдихен (настоящая фамилия Нельдихен-Ауслендер) Сергей Евгеньевич. (1891, Таганрог – 1942, Москва (?)). Поэт. Входил в «Цех поэтов». Публиковался с 1919 по 1930. Арестован в 1931 и 5 лет провел в ссылке в Средней Азии. Второй раз арестован в 1941, после объявления войны. Погиб в заключении.
- 21 Савинов Александр Иванович (1881–1942). Учился в Боголюбовском рисовальном училище в Саратове (1897–1900) у В.В. Коновалова, в Санкт-Петербургской Академии художеств (1901–1908) у Я.Ф. Ционглинского, И.Е. Репина, Д.Н. Кардовского. С 1918 — профессор. Участник выставок: Нового общества художников (1906, 1907, 1910), Союза русских художников (1910, 1911), «Мир искусства» (1917), «4 искусства», зарубежных. Преподавал во ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН–ИЖСА (Ленинград) с 1922.
- 22 Тихонов Николай Семенович (1896–1979) — русский советский поэт. Герой Социалистического Труда (1966). Лауреат Ленинской (1970) и трех Сталинских премий первой степени (1942, 1949, 1952).
- 23 Харкевич (Храповицкий) Иван Иванович (1913–2007). График, художник книги. Учился в студиях В. Е. Савинского (1927–1929); у Н.А. Тырсы (1938–1940). В 1934 окончил Ленинградский техникум изобразительных искусств рабочей молодежи. Работал в «Детгизе» у Лебедева, в журналах «Костер», «Чиж».
- 24 Тырса Николай Андреевич (1887–1942). Живописец, график, художник прикладного искусства, педагог. Один из создателей советской школы иллюстрации. Учился в Петербургской Академии художеств (1905–1909), а также в школе Е.Н. Званцевой (1906–1910) у Л. С. Бакста. Преподавал в ПГХСУМ– ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (Ленинград) (1918–1922) и Ленинградском институте гражданских инженеров (ИГИ–ЛИИКС–ЛИСИ) (1924–1942).
- 25 Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) — театральный режиссер, актер и педагог. Теоретик и практик театрального гротеска и создатель знаменитой актёрской системы «биомеханика». Народный артист Республики (1923). Был репрессирован и расстрелян.
- 26 Имеется в виду снос памятника Александру III работы скульптора Паоло Трубецкого, находившегося на площади у Московского вокзала Петербурга. Долгие годы монумент хранился в Русском музее. В 1994 году был установлен перед Мраморным дворцом.
- 27 Самохвалов Александр Николаевич (1894–1971). Живописец, график, художник театра, прикладник, монументалист. Учился в ВХУ при АХ (1914–1918), в ПГСХУМ–ВХУТЕМАС (1919–1923) у К.С. Петрова-Водкина, Д.Н. Кардовского, В.Е. Савинского, А.А. Рылова. Участник выставок с 1914. Член объединения «Круг художников» (1929–1932). Преподавал в ЛВХПУ (1948–1954).
- 28 Владимир Кошелев. Не опубликовано.
- 29 Всеволод Николаевич Петров (1912–1978) — искусствовед, знаток русского искусства конца XVIII – середины XIX века, работал в Государственном Русском музее. Автор исследовательских работ по истории русской скульптуры эпохи классицизма, много писал о художниках: В. Борисове-Мусатове, Н. Альтмане, В. Конашевиче, А. Пахомове, В. Лебедеве, Ю. Васнецове, Т. Шишмаревой.
- 30 К.П. Янов.
- 31 Речь идет о времени начала блокады Ленинграда.
- 32 Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) — русский художник, книжный иллюстратор и театральный оформитель, участник объединения «Мир искусства». Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1898 учился в мастерской художника А. Ашбе в Мюнхене, затем несколько лет занимался под руководством Ильи Репина в школе-мастерской Марии Тенишевой. После 1917 Билибин уезжает из России. С 1920 он сперва живет в Каире, затем в Александрии, а в 1925 обосновывается в Париже. В 1936 возвращается в Ленинград. Преполагает во Всероссийской Академии художеств, продолжает работать как иллюстратор и художник театра. Умер в блокаду.
- 33 Прошкин Анатолий Николаевич (1907–1986). Живописец, график. Учился во ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН (Ленинград) (1924–1930) у К. С. Петрова-Водкина, А.И. Карева. Член объединений: «Октябрь» (1929–1930), АХР (1930–1932), «Круг художников» (1926–1932).

- 34 Щекатихина-Потоцкая Александра Васильевна (1892–1967). Художник росписи по фарфору, живописец, график. Училась в Рисовальной школе ОПХ в Петербурге (1908–1915) у И.Я. Билибина, Н.К. Рериха (1913—1915), а также в академии Рансона в Париже у Ф. Валлоттона и М. Дени. Участвовала в создании советского «агитационного фарфора». Награждена орденом «Знак Почета» и медалями.
- 35 Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) — русский поэт, писатель, один из крупнейших русских поэтов XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе (1958).
- 36 Твардовский Александр Трифонович (1910–1971) — советский писатель и поэт, общественный деятель. Секретарь правления СП СССР (1950–1954 и 1959–1971). Главный редактор журнала «Новый мир» (1950–1954, 1958–1970). Лауреат трех Сталинских (1941, 1946, 1947), Ленинской (1961) и Государственной премии СССР (1971).
37. Цит. по: Маяковский В.В. Баня //Маяковский В.В. Полн.собр.соч.: В 13 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 19958
39. Кошелев В.Д. Ветер за окном. СПб: Агат, 2003. С. 108
40. Кошелев В.Д. Не опубликовано.
42. Кошелев В.Д. Ветер за окном. С. 12
45. Фраза принадлежит Александру Гидони.
50. Дом В.С. и Е.П. Кирилловых, 1908, архитектор Д.Г. Фомичев.
57. Екатерина Кириллова (урожд. Хрустина).
59. Лебедев – ученик Георгия Траугота в Ленинградском художественно-промышленном техникуме.
60. Траугот Г.Н. Выступление на дискуссии художников. ОР ГРМ, ф. 150, ед.хр. 37, с. 15-17. Рукопись не датирована. Видимо относится к 1945 – началу 1946 года.